

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 72 (779) С-162746

31 декабря 1938 г., суббота

Цена 30 коп.

ДЖАМБУЛ

Народный певец Казахстана, орденосиц

С новым годом!

Сыны мои, с веселым новым годом!
Готовая к труду, к боям, к походам,
Как аргамак, кипучих сил полна,
Идет моя любимая страна!
Цветет ее немеркнущая слава!
В колхозах, городах и на заставах
Встречает год, счастливый, молодой,
Под путеводной сталинской звездой
Могучая советская держава.
И новый год, как много славных лет,
Пройдет в величьи сталинских побед!

Перевод ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

За процветание литературы СССР!

На Спасской башне Кремля часы пробуют двенадцать, над страной прогремел гимн трудящихся, и мы вступим в новый, 1939 год.

В эту минуту миллионы советских граждан произнесут тосты за процветание нашей родины, за здоровье ее вождя товарища Сталина, за счастье всех советских людей, каждого советского человека.

Каждый новый год приближает нас к заветной цели — к коммунизму. Было время, когда социализм представлялся людям какой-то неясной мечтой, чем-то фантастическим и сказочным.

И вот мы находимся теперь перед новой эрой, эрой коммунизма. Не нужно подыгать свою мечту, чтоб суметь увидеть это будущее, не приходится сомневаться и в том, что мы, люди тридцатых годов XX столетия, увидим это новое общество своими глазами, а создателями его мы являемся и поныне.

Страна растет огромными темпами, опыт возрастает чрезвычайно быстро, и то, что вчера еще удивляло нас, сегодня уже становится привычным.

Мы стремимся дать государству работы поменьше, а себе урвать денег побольше. Они злоупотребляют советскими законами и правилами, используя их в своих корыстных интересах.

Социализм родился в войне со старым миром, в жестокой борьбе. В не менее острой борьбе будет завоеван коммунизм.

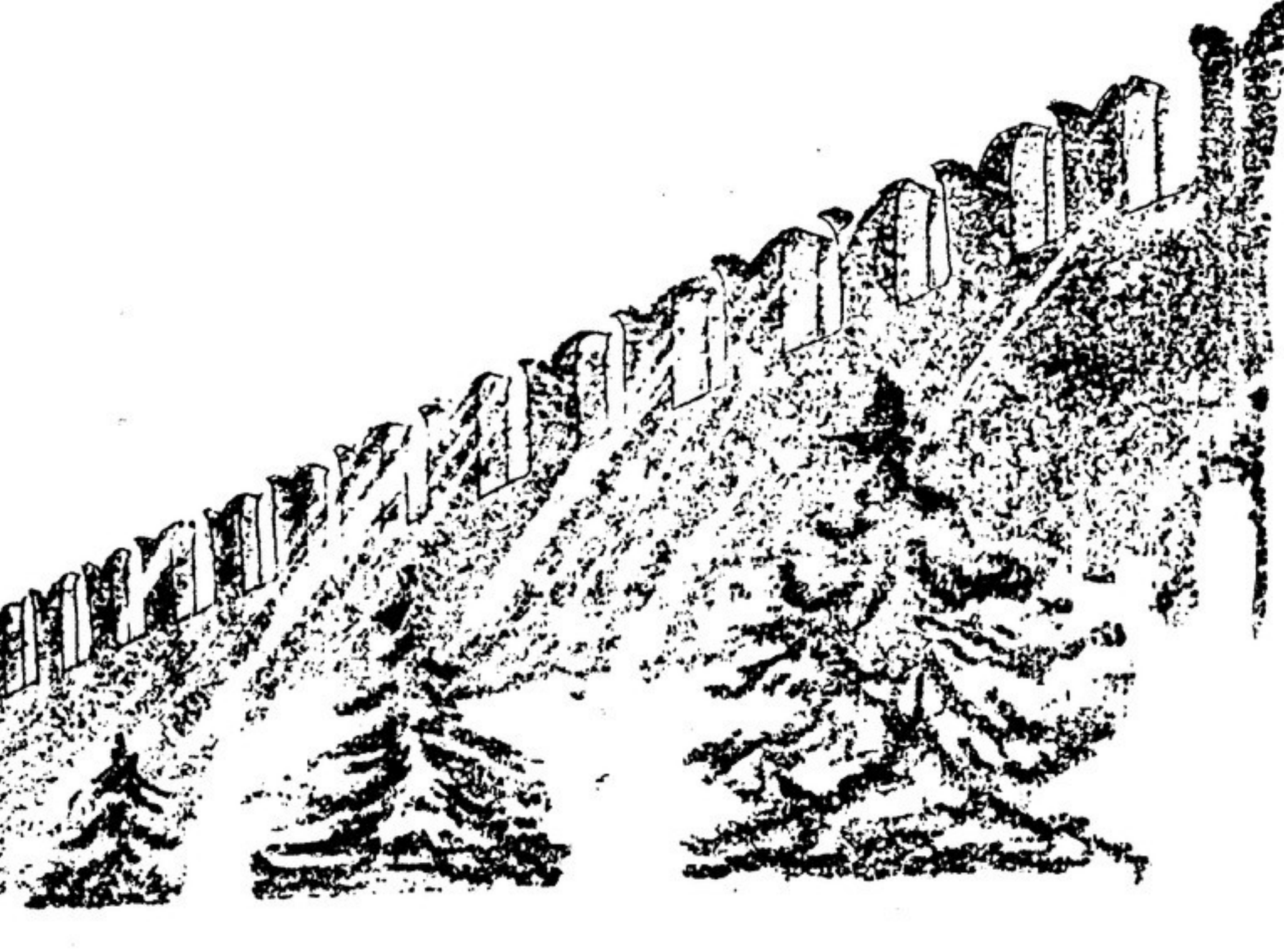
Вся эти чувства переживает каждый советский гражданин, встречая новый, 1939 год. Для советских писателей, стоящих на высоте интеллектуальной жизни народа, активно участвующих в подвиге идейной жизни страны, для писателей, являющихся, по определению товарища Сталина, «инженерами человеческих душ» — это приближение коммунизма означает большой, неустанный и напряженный труд.

В дни, когда фашистская угроза нависла над всей Европой, нам кажется, что последние надежды американского народа и народов Европы — это Советский Союз. Никто не может предугадать будущее, но мы твердо верим, что вы укажете рабочим всего остального мира путь к свободе, миру и избавлению от эксплуатации.

ЭПТОН СИНКЛЕР

30.XII 1938 г. Пасадена, Калифорния (по телеграфу)

ЖЕНЕВЬЕВА ТЭГГАРД
30.XII. 1938 г. Нью-Йорк.



О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УПОРЯДОЧЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, УЛУЧШЕНИЮ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И БОРЬБЕ С ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМИ В ЭТОМ ДЕЛЕ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР, ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков) и ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В Советском Союзе трудящиеся работают на капиталистов, а на себя, на свое социалистическое государство, на благо всего народа.

Некоторые профсоюзные, хозяйственные, а также судебные органы проявляют недопустимое противонародное попустительское отношение к нарушителям трудовой дисциплины и даже потакают им — вопреки интересам народа и государства.

Эти люди своей недобросовестной работой, прогулами, опозданиями на работу, бездельем кошат работу на предприятии в рабочее время и другими нарушениями правил внутреннего трудового распорядка, а также частыми самовольными переходами из одного предприятия в другое.

Они стремятся дать государству работы поменьше, а себе урвать денег побольше. Они злоупотребляют советскими законами и правилами, используя их в своих корыстных интересах.

Когда летунов и лодырей увольняют, они начинают сутяжничать, и, не работая, добиваются оплаты за якобы вынужденный прогул.

Используя ныне действующее правило о порядке предоставления отпусков, согласно которому право на отпуск предоставляется по истечении 5 1/2-месячной работы в предприятии или учреждении, летуны и лодыри, перебегая из одного предприятия в другое, ухищряются получать два отпуска в течение года.

В домах, построенных заводами и фабриками для своих рабочих и служащих, квартиры нередко заняты лицами, самовольно бросившими работу в этих предприятиях или учреждениях.

Закон требует увольнения рабочего или служащего, допустившего прогул по неуважительной причине.

Закон устанавливает и рабочим классом приняты восьмичасовой рабочий день, семичасовой рабочий день, шестичасовой рабочий день для различных предприятий и учреждений.

При распределении путевок в дома отдыха и санатории летуны и прогульщики пользуются теми же правами, что и честно работающие служащие и рабочие.

Все это приводит к такому положению, когда недобросовестные работники, мало трудясь, могут жить за счет государства, за счет народа, что вызывает справедливые протесты со стороны большинства рабочих и служащих.

Рабочий или служащий, допустивший опоздание на работу без уважительных причин, или преждевременно ушедший на обед, или запоздавший приходом с работы, или раньше времени ушедший с предприятия или из учреждения, или бездельничавший в рабочее время, подвергается административной взысканию: замечание или выговор, или выговор с предупреждением об увольнении; перевод на другую, ниже оплачиваемую работу на срок до 3 месяцев, или смена на другую должность.

Рабочий или служащий, допустивший три таких нарушения в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев подряд, подлежит увольнению, как прогульщик, как нарушитель закона о труде и трудовой дисциплине.

Увольнение, что за нарушение от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины и принятие мер против прогульщичества, летунов и разгильдяев в соответствии с настоящим Постановлением.

В случае увольнения рабочего или служащего без достаточного основания плата за вынужденный прогул производится в размере средней заработной платы, но не более, чем за 20 дней, причем администрация предприятий и учреждений, фабрик, заводов, местными и республиканскими комиссиями обязаны рассматривать жалобы на неправильное увольнение в течение 3 дней со дня поступления жалобы, а судебные органы — в течение 5 дней.

Рабочим и служащим, состоящим членами профессионального союза, пособия по временной нетрудоспособности (не считая пособий по беременности и родам) выплачиваются в следующих размерах — в зависимости от стажа непрерывной работы в данном предприятии или учреждении:

а) при непрерывном стаже работы в одном и том же предприятии или учреждении свыше 6 лет — 100% заработка
б) » » » от 3 до 6 лет — 80% »
в) » » » от 2 до 3 лет — 60% »
г) » » » до 2 лет — 50% »

Подработка до 18 лет, состоящим членами профессионального союза, указанные в статье 5-ой пособия выплачиваются в следующих размерах — в зависимости от стажа непрерывной работы в данном предприятии или учреждении: при непрерывном стаже свыше 2 лет — 80% заработка, а до 2 лет — 60% заработка.

На заводах и фабриках, вступивших в действие после 1 января 1933 года, рабочим и служащим — членам профессионального союза, поступившим на эти предприятия не позже 1 января 1936 года и работающим там непрерывно, пособия по временной нетрудоспособности (не считая пособий по беременности и родам) выплачиваются в следующих размерах — в зависимости от стажа непрерывной работы в данном предприятии или учреждении: при непрерывном стаже свыше 2 лет — 100% заработка, а до 2 лет — 60% заработка.

(Окончание Постановления см. на 2-й стр.)

О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УПОРЯДОЧЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, УЛУЧШЕНИЮ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И БОРЬБЕ С ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ В ЭТОМ ДЕЛЕ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР, ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков) и ВСЕСОЮЗНО ГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

(Окончание).

11. Рабочие и служащие, уволенные за нарушение трудовой дисциплины или за совершение преступления, а также ушедшие по собственному желанию, имеют право на обеспечение пособия по временной нетрудоспособности после того, как они проработали не менее 6 месяцев на новом месте работы. Это правило не распространяется на рабочих и служащих, уволенных или самовольно ушедших с работы до опубликования настоящего Постановления.

12. На основании ст. 31 Постановления ЦК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» (Соб. Зап. СССР 1937 г. № 69, ст. 314) устанавливается, что рабочие и служащие, которым в связи с их работой на данном предприятии предоставлено жилое помещение в доме государственного предприятия, учреждения или общественной организации (либо в арендованном этим предприятием или учреждением доме), в случаях ухода с предприятия или из учреждения, после опубликования настоящего Постановления, по собственному желанию или увольнении за нарушение трудовой дисциплины, а также за совершение преступления — подлежат обязательному выселению в установленный срок в административном порядке без предоставления жилой площади.

13. Право на очередной отпуск предоставляется рабочим и служащим по истечении 11 месяцев непрерывной работы в данном предприятии или учреждении.

14. Сверх установленного ежегодного отпуска работникам и женщинам-служащим в случаях беременности и родов

предоставляется отпуск на 35 календарных дней по родам и на 28 календарных дней после родов и выхаживания ребенка по государственному счету в ранее установленных размерах. Означенный отпуск предоставляется и пособия по беременности и родам выплачиваются тем, кто проработал без перерыва в данном предприятии (учреждении) не менее 7 месяцев.

15. Преимущественное право на получение путевок в дома отдыха предоставляется тем рабочим и служащим, которые проработали в данном предприятии или учреждении непрерывно свыше 2-х лет.

16. Отпуска по временной нетрудоспособности (болезнь, беременность и роды и т. д.), незаконченные ко дню опубликования настоящего Постановления, на оставшийся срок предоставляются и оплачиваются по правилам, действовавшим ко времени начала отпуска.

17. В отношении рабочих и служащих, работающих в частных наемщиков (домашние работницы, рабочие и служащие профессиональных предприятий) вопросы, предусмотренные настоящим Постановлением, регулируются особыми правилами, издаваемыми Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов с утверждения Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

18. Для инвалидов труда I и II группы (от общих заболеваний) устанавливаются следующие надбавки за стаж непрерывной работы в одном предприятии или учреждении перед обращением за пенсией:

Категория	Непрерывный стаж	Надбавки в процентах к установленной пенсии
I категория — рабочие и служащие, занятые на подземных и вредных работах	От 3-х до 5 лет	10%
	От 5 до 10 лет	20%
	Свыше 10 лет	25%
II категория — рабочие и служащие металлургической, машиностроительной, электротехнической, угольной, горнорудной, нефтяной, основной химической и резиновой промышленности, железнодорожного и водного транспорта и производственных предприятий связи	От 4 до 8 лет	10%
	От 8 до 12 лет	15%
	Свыше 12 лет	20%
III категория — остальные рабочие и служащие	От 5 до 10 лет	10%
	От 10 до 15 лет	15%
	Свыше 15 лет	20%

Пенсионерам, имеющим стаж непрерывной работы в одном предприятии или учреждении свыше 5 лет перед обращением за пенсией, предоставляется преимуще-

ственное право на получение санаторно-курортных путевок, выдаваемых для пенсионеров.

19. Пенсии по инвалидности рабочим и служащим назначаются при наличии следующего стажа работы:

Возраст	Стаж		
	Мужчинам	Женщинам	Занятым на вредных и тяжелых работах
От 20 до 22 лет	3	2	2
» 22 » 25 »	4	3	3
» 25 » 30 »	6	4	4
» 30 » 35 »	8	5	5
» 35 » 40 »	10	7	6
» 40 » 45 »	12	9	7
» 45 » 50 »	14	11	8
» 50 » 55 »	16	13	10
» 55 » 60 »	18	14	12
Свыше 60 лет	20	15	14

В случаях наступления инвалидности до достижения 20 лет, а также в случаях инвалидности от трудового увечья или профессионального заболевания пенсии назначаются независимо от продолжительности стажа.

20. Пенсионерам, продолжающим работать после назначения им пенсии по старости, эти пенсии выплачиваются независимо от заработка.

Не учитывается также заработок до 100 рублей в месяц, получаемый инвалидами I и II групп за работу на дому, предоставляемую артелями кооперации ин-

валидов; в тех случаях, когда заработок этих инвалидов превышает 100 рублей в месяц, пенсия соответственно понижается, но при этом за инвалидом сохраняется не менее 50% пенсии.

21. В связи с установленным набором за непрерывный стаж и льгот по учету заработка пенсионеров (статья 18 и 20 настоящего Постановления) — отменяются по всем видам пенсий и по всем группам инвалидности надбавки и перерасчеты, установленные в статьях 4, 6, 8, 13, 19 и 20 Постановления Центрального Совета Социального Страхования от 29 февраля 1932 г. № 47.

Ранее начисленные надбавки сохраняются в прежних размерах.

22. Пенсионеры, скрывающие от органов социального обеспечения свои заработки или другие доходы, подлежащие учету при выплате пенсии, лишаются пенсии на 6 месяцев.

23. В связи с тем, что при общем высоком уровне пенсионного обеспечения в Союзе ССР, имеются пенсионеры, которые перешли на пенсию много лет тому назад, когда нормы пенсий и уровень заработной платы были значительно ниже, чем в настоящее время — установить, что пенсии по государственному социальному страхованию, независимо от времени их назначения, должны быть не менее следующих размеров за месяц (включая все надбавки):

Не имеющие нетрудоспособных членов семьи.	Имеющие одного нетрудоспособного члена семьи.	Имеющие двух и более нетрудоспособных членов семьи.
50 руб.	60 руб.	75 руб.
40 руб.	50 руб.	60 руб.
—	30 руб.	40 руб.

Для инвалидов III группы пенсии по государственному социальному страхованию должны быть не менее 25 рублей в месяц.

24. Расходы по выплате пенсий и пособий пенсионерам, не работающим на предприятии или учреждении и получающим пенсию по государственному социальному страхованию, а также расходы по санаторно-курортному обслуживанию этих пенсионеров должны производиться органами социального обеспечения за счет средств государственного социального страхования.

25. Вся экономия по средствам государственного социального страхования, получаемая в связи с проведением настоящего Постановления, должна быть направлена профессиональными союзами на дополнительное строительство жилищ для рабочих и служащих, лесей и детских садов — сверх средств, отпускаемых Правительством на эти цели.

26. Настоящее Постановление вводится в действие с 1-го января 1939 года.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

Секретарь Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)
И. СТАЛИН.

Секретарь Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов
Н. ШВЕРНИК.

28 декабря 1938 г.

20 ЛЕТ БЕЛОРУССКОЙ ССР ПРИВЕТ БЕЛОРУССКОМУ НАРОДУ!

ЯКУБ КОЛАС
НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Легит широкая дорога.
Вокруг простор, и я иду,
И других чувств несут я много
И дум счастливых череду.

Возле дорог столбы повсюду
Так ровно встали в два ряда,
И словно гусли-самогуды,
Звенят их струны-провода.

Куда ни гляну — ширь и воля.
Лет на просторном небе синь,
Наде жеми не встретишь боле,
Исчезли быльица и польны.

Цветут поля в одежде новой,
Шумят богатые саль,
И даже ветер по дубровам
Поет на новые лады.

И новостройки по просторам
То с той, то с этой стороны
Возносятся, лаская взоры...
Поблели тени старины.

Воп там, выше по-над долом,
Развесив хвост, клубится дым,

Отсчитывает время селам
Гудок напевом молодым.
По взгорью поля, по равнинам,
Куда ни взглянешь — здесь и там
Стальные каются лавины,
Послушны девичьим рукам.

А здесь, где лишь траясина прела,
Где не вступал никто ногой,
Сегодня рождь зазеленела,
И шест колос золотой.

Не встретишь тех болот утрыхых,
— Разлезаеши торфяный штт,
На нем стоит, как будто гумма,
Громады черных шараид.

Идут колхозные повозы
С добром бесстыдным своим.
И даже дед седеборный
Себя причислил к молодым.

Шумят по-новому дубровы,
С той, то с этой стороны
Их воздух сладостно выхлать,
Тобя, земля, в одежде новой
Хотел бы к сердцу я прижать.

Перевел с белорусского
АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ

ЯНКА КУПАЛА ОТРЫВОК

С улыбкою в грядущее глядя мн,
Не жлет на горе на веку своем —
Нам светит ночью папоротник дивный,
Днем с ясным солнцем под куражем.
Путь-дорога без конца, без края
Пред нами в мир коврами пролегали,
Нам зори под ноги лучи бросали
В торжественном цветении земли.
Для нас сады цветут, лаская взгляды,
И никнет долу колос золотой;
Голубят мысли и несут отраду
Дубравы, лес беседоу живой.
Объаты взоры вишнею багряным,
Под солнцем спел ароматный плод;
На травах сочных по лесным полянам
Стадами тучными пасется скот.

В доме просторные богатство к людям
Пришло на новоселье в добрый час,
Оно печет и в праздники и в будни
Пшеничный свежий каравай для нас.
Где пустошь с вечным лихольдем
Со зверем диким испокон жила,
Там города снопами счастья светят,
Необозримо нива расцвела.
С улыбкою в грядущее глядя мн,
Богатый дар нам свой несет земля...
Рассеяв ночь, отец наш, вождь любви-
мн,
Путь солнцем озаряет из Кремля.

Перевел с белорусского
АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ

«В ЗЕЛеной ДУБРАВЕ»

Поэма молодого поэта Аркадия Кулешова «В зеленой дубаве» — одно из наиболее интересных произведений белорусской поэзии за последние годы. Это поэма о новой волжской деревне, о ее людях, о ее молодежи. Сюжет поэмы не сложен. Колхозник Прокопа едет на заставу навещать раненого в боях диверсантами младшего сына. Старший сын его, тракторист, поехал святиться к Христине в соседний колхоз «Чырвоная зорка». (На эти события привлекают внимание всех колхозников: словно родная семья, провожают колхозники Прокопа к сыну, словно родная семья, провожают Христину ее бригаду в новый колхоз. По дороге «спеэжае» останавливаются в зеленой дубаве. С ней связаны лучшие воспоминания дедушки: здесь она собирала ягоды со своим соседом, гармонистом Василем, о застенчивой любви которого она узнала только сейчас. На другой день Василий показавшись Христине богатства своего колхоза. Но Христина не может оторваться сразу от мысли о своем колхозе. И через день она решает вернуться в свою бригаду — окончить уборку урожая. С восторгом встречает зеною сыну звеневую, и работа на поле кипит. Тем временем возвращается Прокопа с гранницы. Он полон новых впечатлений, ему хочется с каждым встречным поговорить о граннице. Но девушкам не до разговора: соревнуют друг с другом, они дружно и весело выжат и убирают снопы за жейками. От старика отделиваются шуткой: «Стоят нам нет времени, ноги озябли». В конце поэмы тепло показаны встречи Христины со свекром Прокопом и с гармонистом Василем, который ухаживает в Красную Армию и проезжает через деревню, где живет теперь Христина. Старая белорусская деревня хорошо представлена в белорусской литературе. Она прекрасно изображена в произведениях Ю. Лыбы, Боласа, Вадули и в народном творчестве. Вспоминается прекрасная народная песня-стон вдовы, которая посела слезы и роль и прошла небо, чтобы слезы не вошли, и взошли те сумедные зерна, которые она оросила слезами. Но небо было безжалостно к белорусской крестьянке: пропала земля, а горе и слезы входили пыльным бурьяном, и ответили ей года «ничьяким пустцветом».

Поэма Кулешова, перекликаясь с народными песнями о счастье и труде, дает картину новой белорусской деревни. Поэма своим строем, ритмикой и построением напоминает новую народную поэму оветской деревни. Недаром центральная картина поэмы — в зеленой дубаве, как и само название поэмы, выто из общезвестной, ставшей народной, песни «Вывайте здоровья, живите богато».

Когда читается поэма, незвольно бросается в глаза одно обстоятельство: даже в деталях поэт отталкивается от противопоставления старой и новой деревни, хотя о старой деревне он не говорит ни слова. Вот проходы Прокопа к сыну:

Письмо по порядку
Соседи читали.
Из липовой калки
Мелку накатали,
Сказали Прокопу:
«Вези на заставу
Подарок героям
За полвт, за славу».

Как не похоже это на сборы отца в гости к своему сыну-солдату парской армии! Как не похож сам старик, приехавший в раненому сыну, на тех стариков, которых обычно описывали в старой патристической литературе!

Хорошо даны в поэме переживания Василия в зеленой дубаве, переживания Христины, так тепло встреченной новым колхозом. Христина идет с мужем в поля золотые, омывает детню тучкой, по дороге над которой нависли и сияют росы красивые вихни. Возвращающиеся с поля косы подходят с приветствиями к молодой паре. Но Христина думает, «как же нее управится родная бригада с богатейшим урожаем»? Кажется ей, что и село ее мужа не похоже на ее родное село, дубава не та, и поле не то, и луг без цветов, и тихо над гречихой, и солнце за рекой заходит не так, как в родном колхозе.

Кулешов глубоко взглянул в жизнь деревни, показал ее новых людей, которые всю свою сознательную жизнь прожили в социалистических условиях, воспитались на новых отношениях к обществу и труду. Вместе с новой тематикой, с новыми образами приходит в литературу обновленный, обогащенный народный язык белоруссии.

М. КЛИМОВИЧ

РОМАН «БУДУЧЫНЯ» Э. САМУЙЛЕНКА

Новый роман Этарда Самуйленка «Будучыня» — бесспорно, одно из наиболее значительных произведений современной белорусской советской литературы. Роман повествует о разбойничьем гостодстве меншевигов над грузинским народом в 1918 году. Самуйленок дает широкую картину народной жизни, народного горя и страдания.

Герой Самуйленка — умный, мыслящий и чуткий люди.

Уже в первой части романа писатель создает восточный образ крестьянина Артема Коркия. Коркия — олекун сироты Пилко. Но Илко пригласился кулаку и торговцу Симону Гамрекели, который хочет сделать его своим батраком. Коркия зависит от Гамрекели и с величайшей болью в душе вынужден согласиться на предложение Симона. Обычно молчаливый, Коркия после «сделка» с Гамрекели плет долой пьяный, с непокрытой головой. Он падает в грязь, но слезы каплют на его щеки.

— Он продал сироту!

Так же ярко нарисовал Самуйленок крестьянина-охотника Топурия. Этот человек много ходил и ездил по свету. Хватается охотничьи и морскими приключениями — его страсть. Очень длинно рассказывает Топурия подумывающую, полуправильную историю своей жизни. Перед нами как будто бы мелкий, хвастливый человек. Однако дальнейшее развитие этого образа совершенно меняет наше первоначальное представление о нем.

Топурия приходит в деревню, подожженную контрразведчиками, и видит труп старого Гуджу, своего друга, отца партизана Кверелия. Топурия преображается. Маленький человек выпрямляется. Он дает клятву отомстить за смерть Топурия.

И он не изменяет своей клятве.

Глубоко волеует в книге образ старшего большевика Теодора Габосона, работавшего почти два десятилетия под руководством товарища Сталина. Бессонная ночь, которую в беседе друг с другом проводят старые товарищи, изображена автором с искренним чувством и силой.

Нам трудно судить о фактической стороне повествования, о правдивости отдельных деталей, об этом должны сказать все слово грузинские товарищи, но это яркое произведение, написанное смелой и достаточно опытной рукой, заслуживает широкого распространения среди трудящихся масс.

А. КУЧАР

УВАЖЕНИЕ К ЧЕСТНОМУ ТВОРЧЕСКОМУ РАБОТНИКУ

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦИК «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» — документ большого исторического значения.

Трудящиеся СССР работают на себя, на благо всего народа. Постановление об укреплении трудовой дисциплины выражает волю всего советского народа, высоко ценящего честный и добросовестный труд. Лояльность, обмен советского государства есть туеядство, с которым мы обязаны вести жестокую борьбу.

Противоположное попустительству к нарушению трудовой дисциплины имело место и в Гослитиздате.

Руководство издательства почти совершенно не борется за повышение трудовой дисциплины, в то время как опоздания и неявки на работу носят постоянный характер.

Недостаточное использование рабочего времени в Гослитиздате — распространеннейшее явление. Как правило, творческие работники издательства проводят всю свою работу на дому. Редактирование в стенах издательства никто не занимается, так как для этого не создано минимальных условий. В редакционных комнатах вечный шум, звонки, третей пишущие машинки, редакторы стремятся лишь отбыть время и уйти домой.

Руководство и общественные организации Гослитиздата не сделали ничего реального для того, чтобы издательство стало тем, чем оно должно быть в действительности, — творческой государственной организацией. Лучшей формой трудового воспитания редакторов является контроль над творческой работой. К сожалению, этим в издательстве почти не занимаются.

Постановление о повышении трудовой дисциплины говорит о необходимости чутко и бережно относиться к старым опытным работникам. А этого не было до сих пор в издательстве, по крайней мере по отношению к редакторскому составу.

Отсутствие творческой атмосферы в издательстве приводит к снижению производительности труда. Образцы хорошей творческой работы, помещаемые в издательстве, не освещаются, не поощряются.

Борьба с нарушениями трудовой дисциплины должна сочетаться с популяризацией образцов хорошей редакторской и технической работы по выпуску книг. Вся ответственность издательства обязана бороться за нормальную рабочую обстановку, подобно тому, как на промышленных предприятиях борются за исправность рабочего места. Особенно важно культивировать уважение к хорошему работнику.

В. ШЕРНИН,
редактор Гослитиздата.

БЕЗ ТРУДОВОГО РЕГЛАМЕНТА

Гослитиздат — наша крупнейшая фабрика книги — отнюдь не стала себе известности в качестве предприятия, образцового по четкости работы и высокой производительности труда. Казалось бы, обязательство его обязано была предъявить надлежащий счет бракоделам, отсталым и неборозовестным работникам и начать с ними борьбу не на словах, а на деле.

Но в этом отношении Гослитиздат являл печальное исключение среди советских предприятий. Важнейшее мероприятие о борьбе с лгунами, лодьярами, прогульщиками и врагами общественности Гослитиздата восприняла как некую ведомственную техническую операцию заполнения и выдачи этного количества трудовых книжек.

Радиостанция СССР в ночь на 29 декабря передала постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦИК «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле».

А на утро 29 декабря руководство и общественность Гослитиздата показали, что до них смысл и значение постановления не дошли.

В этот день Гослитиздат проснулся столь же медленно и неохотно, столь же вялостью настроенный в прогульщикам, как и во все дни своей мирной жизни.

На стене — табель, но около него нет табельщика, который следил бы за его своевременным закрытием и правильным снятием номерков. Снимая, пожалуйста, не один, а хоть десяток номерков. Тут же на столе гостеприимно раскрыта книга для «сплоченных посетителей» из числа редакторов и заведующих секторами издательства. В ней расписываются лишь редкие любители, забывшая даже указать время своего прибытия на работу.

10 часов 20 минут утра.

Мы приглашаем помощника директора издательства т. Клейменова, единственно представляющего в этот «ранний» час многочисленное руководство Гослитиздата, к «контрольным» приборам. В книге «Сплетенных посетителей» из числа редакторов и заведующих секторами издательства находим четыре неразборчивых подписи. Что же касается высшего звена — секретарей, машинисток, корректоров и т. д., то из общего числа 150 человек отсутствует... 65. Путь многочисленных «уточнений», в течение всего рабочего дня выясняется, что из этих 65 человек должно быть исключено 18 (двое больных, шесть отсутствующих, пять курьеров, начинающих свой день с выполнения полученных накануне поручений, и пять... уволенных).

Смущенный показаниями «контрольных приборов», и. о. секретаря парткома издательства т. Солнцева утешает:

— Мы составили приказ, в силу которого вся ответственность за борьбу с опозданиями и прогулами будет возложена на заведующих секторами.

НАШ ДОЛГ

Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦИК встречено трудящимися нашей страны с огромным подъемом.

Все мы, работники социалистической промышленности, сельского хозяйства, науки, искусства должны ответить на эти постановления и указы укреплением своей личной трудовой дисциплины и борьбой за улучшение ее на наших участках работы.

Работники культурного фронта, советской литературы, могут и должны сделать очень многое в этом направлении. Прежде всего, мы далеко еще не всегда можем похвастаться достаточной деловитостью в работе, слишком часто еще сымы сроков, случаи нарушения финансовой дисциплины, растраты государственного времени, отсутствия необходимой четкости и собранности.

Добиться ликвидации этих вредных, тормозящих нашу работу проявлений чуждого нам отношения к труду — первоочередная задача, стоящая перед нами.

Но гораздо шире и глубже должны мы понять наш долг перед родиной.

Дисциплина социалистического труда — это не только аккуратно, четко выполненная порученной работы, а дисциплина борьбы с трудностями, дисциплина безусловного движения вперед, к новым высотам социалистического труда и культуры. Она не терпит вредной самоуспокоенности, довольства достигнутым.

Дисциплина социалистического труда — в соединении американской деловитости с русским революционным размахом, с новаторскими исканиями, творческим дерзанием.

К этому призывают нас великие указания Ленина и Сталина.

Ю. ЛУКИН,
редактор Гослитиздата

70 лет со дня рождения Ованеса Туманяна

В феврале 1939 года исполняется 70 лет со дня рождения крупнейшего армянского поэта О. Туманяна.

При союзе писателей Армении организован юбилейный комитет, который приступил к подготовке празднования этой даты.

Юбилейный комитет возглавляет заместитель председателя президиума Верховного Совета Армянской ССР т. Симак. В составе комитета: Р. Григорян (зам. председателя), Б. Мартиросян (наркомен Армянской ССР), Р. Маргарян (ЦК ВКП(б)), А. Арап, М. Мелкян, Ов. Г. Борьян, А. Тертерян, Г. Абов, Н. Туманян, Ст. Зорьян, Г. Демирчян и Сирак.

На-днях бригада писателей должна выехать в Алавердиский район, в село Дех — на родину поэта.

С. ИПОЛИТОВ,
Е. ПЕЛЬСОН.

В порядке ведения...

Зима несколько выпоздала, но морозы все-таки, после некоторого отставания, потянулись в последние дни, и послед та же суров; новый год приближается при вполне приличных обстоятельствах. Она затягивается узором. В магазинах продаются деды-морозы. В клубе писателей бронировались столы. «Литгазета» печатает новогодние поздравления, поэты пишут эпиграммы, художники рисуют шаржи. Все в порядке. Первое января пройдет, как первое января — нет никаких оснований беспокоиться. Новый год, как, можно сказать, обещан.

Новый год—всегда удобный повод для вольных и не всегда обязательных пожеланий. Желать, конечно, можно чего угодно, даже самого несбыточного. Вплоть до того, чтобы Деда Мороза, например, видеть в будущем году нового детского писателя, или «Советский писатель» выпустил все книги, лежащие у него в портфеле и указанные в планах.

Нет никаких сомнений, что будут высказаны самые благоразумные пожелания в области литературы. Старый год остался позади; а новый еще впереди, и вот мысли витают между новым и старым; не оглянуться ли в последний разок назад?

Так при переезде на новую квартиру, когда вещи уже упакованы и вывезены и уже последние связки старых вещей выносятся на крыльцо, человеку вдруг хочется незаметно вернуться назад и пройтись еще раз по комнатам. Человек садится на подоконник и смотрит на опустевшие комнаты. Ведь в них много прожито, было тут всякое — и плохое и хорошее. Нет, черт возьми, нельзя помнить старый год только небрежным словом. Надо отдать старику справедливость.

...Вот в оставленной уже жылками комнате на полу валяются брошенные бумаги, несколько проползших журналов; они никому уже не понадобятся. А вот тут появились на свет два-три новых писателя.

Вот в этой комнате проходили бурные и оживленные споры, чтения. Груды окурков и записок, еще валяющиеся на полу, свидетельствуют об этом. Дым страстей еще витает под потолком.

Вобщем насчет чтива было в этом году немало. Читали, слушали, обсуждали. Пили чай, ели печенье, подавали напитки.

Чего там говорить, — в литературе, действительно, начали говорить о литературе. Прозвища свити. Даже в проселочном коридоре, о котором вспоминалось только в отрицательном смысле, как будто по полу свежим ветром. Сор из угла выметен, паутину убрана, расставлены гостеприимно мебель. На заседаниях читают книги, рассказы, стихи. Может быть даже слишком уславлено.

Почему-то стали полагать, что читать книги можно только на заседаниях. А между тем ушпун такой простой и давно проверенный способ чтения, как «читать индивидуальную». Своими глазами. Лежа дома, на диване, или усевшись за столом. К тому же могут понабиться, право, не такие уже плохие произведения. Их стоит почитать.

Читать на собраниях вообще—вещь рискованная и щекопательная. Прежде всего следует обладать хорошим голосом. Конечно, нужно иметь также еще хорошее произношение; это само по себе уже затруднительно.

Но очень многое в чтивках зависит от ряда привходящих обстоятельств. От количества, от состава и даже от настроения слушателей.

Конечно, чтение новых произведений вступу — литературная традиция. Но нас, правда, не шла протоколы чтивок Тургенева, Некрасова, Грибоедова или Гоголя. Но можем наверняка сказать, что обсуждение там шло «на уровне», т. е. на уровне того понимания, тех вкусов и тех литературных позиций, на которых стояли упомянутые литераторы. Лабораторной работе, профессиональному совершенствованию способствует чтение в писательской среде, но не «вешние преия».

Самая главная опасность заключается в

том, что произведение нужно обсуждать. А обсуждать—это значит произносить речь. Чтобы ее произнести, нужно сначала придумать, о чем говорить; а это далеко не всегда известно. Чай выпит, клубы дыма задувают плавают над столом. Пока автор читает, председатель постукивает карандашом по столу, головы слушателей заняты сложной психологической трансформацией: пощощением материала, превращением обрывков и первоначальных туманностей в некоторую стройную ораторскую определенность...

...Автор кончил читать. Председатель приглашает высказаться. Слушатели некоторое время задумчиво смотрят друг на друга. Но на лицах ничего не написано, какая-то неясность; черт его, в самом деле, знает, — то ли это очень хорошо, а может быть и вовсе ничего не годится. Слышен некоторый шопот на местах, происходит просяние, кристаллизация. («Ну как?» «Что вы скажете?» «Что он говорит?» «Ах, он не по поводу рассказа...»). Взоры всех неизбежно обращаются к обычному «запискам».

Хорошо, конечно, если среди этих последних присутствует человек с восторженным, благожелательным характером. Тогда он сразу вскакивает и произносит, как привычный банкетчик, торжественную речь. «Товарищи! Этот маленький рассказ я поднимаю... (Шум, возгласы: Какой был!). Напишите. Я в явочказначном, конечно, смысле... За подписание нового замечательного, свежего, своеобразного, яркого...»

Тогда многим становится ясно, что произведение действительно своеобразно и ярко.

Но чаще всего первым выступает человек более уравновешенный. Его речь более вдумчива и менее определена. «Да, товарищи. Вот. Товарищ Н. прочел рассказ. Да... рассказ, да. (Оратор задумчиво трет пальцами нос). Интересный рассказ. Да, рассказ интересный. Мальчик едет в город. К своему отцу. Да. Можно даже сказать — хороший рассказ. Мальчик. Отец. Город. Здесь есть что-то. Очень хорошо, тепло показана лошадь. (Здесь рука опять потирает нос). Но тут есть что-то такое. Как-то так... Я бы сказал — рассказ составлен в несколько неправильной перспективе...»

Это производит впечатление хорошо рассчитанного удара. Точно дозированная и оборудованная речь всегда действует, как кремль на огниво. Она зажигает прения. Действительно неправильная перспектива или правильно? Сюжет—стоит ли делить? Драматургическая линия слабее или сильнее описательной? Что являет собой мальчик? Что являет собой отец? Лошадь? и пр. и т. п.

Где-то, обычно в конце первой половины собрания, выходит, наконец, один оратор и говорит:

— В этом рассказе есть много совершенно непонятно; откуда вдруг появляется какой-то мальчик? Кто он такой? Совершенно непонятная фигура отца. Фигура лошади... Что автор хотел сказать этим произведением?

Тогда все задумываются. Это ошеломляет. Фигура отца и фигура мальчика на время блещет.

Одна фигура лошади продолжает еще существовать; в наступившей тишине, задушевно скрипя зубами, она продолжает жевать сено.

Если говорить серьезно, ины из нас иногда обвиняют литературу чтивкой, редакторской и критической. Жесткая редакторская правка под знаком корректурного псевдо-чистоты русского языка, тщательное причисление произведений под свой вкус, наконец, обсуждения произведения вытравляют из него свой голос, литературную соль, которой очень мало похвастана наша современная литература.

Вобщем, писатель, который становится оратором, — сам по себе опасное явление. Его нужно остерегаться, потому что он художник, он вслух, он ослепляет собственную илею. Часто она рождается из пены морской. «Очень хорошо, если бы автор развил тему отца и сына. Вот основной материал произведения, а сожале-

нию, недостаточно вышло показанный автором». «Отец и сын оба как раз очень вышумели, Невзвукла мать. Она осталась в тени, заданная второстепенными деталями». «Именно эти детали и подчеркивают мать. Я бы сделал ее центральной осью произведения. Я бы рекомендовал развить ее в повесть».

Тогда разговор переключается на детали и на их роль. И, наконец, на оценку выступает знаменитое ружье Антона Павловича. Если оно в рассказе повешено, то должно стрелять, а если не стреляет, то на кой оно повешено. Мать не стреляет. Отец не стреляет. Лошадь тоже не стреляет.

Редко произведение разбирается «изнутри», с точки зрения того, как оно создано, но чаще — исходя из посторонних замыслов. Однако, прийдя домой и читая то же самое произведение молча, мы никому не задаем вопросов о роли сына, матери и детали. Просто хотя бы потому, что некому задавать и вопросы. Перед нами пепельница и лампа. Если книга интересная, мы ее читаем, принимаем доказательства автора. Если нет — мы ее отбрасываем долгой, в сторону, подальше.

Когда предоставляется слово автору, то неопытный писатель признает, что все выступления ораторов были паразитично верны; он просят отца, разовьет тему сына, укажет мать, попытается развернуть ее в повесть. Он действительно будет это делать и мучиться, видя, что от произведения ничего не остается.

Опытный человек тоже признает многие советы. Он обещает уничтожить всех замеченных козлов, удалить ружье, которое не стреляет, и вычеркнуть все не удачные места. Он даже со слезами в голосе благодарит за указания, и в доказательство доброй воли, тут же, прожарив рукой, горячо вычеркивает их. Слушатели даже пожимают о своих ораторских увещаниях.

Прийдя же домой, автор аккуратно восстанавливает вычеркнутые места, напустит обратно козлов и тихонько повесит на место ружье.

Читают в клубе, читают в редакции, читают в издательствах. Читают читатели. Читают писатели. Читают редакторы. Читают корректоры. Существует похвальная, но нецеликом правильная мысль: пропускать произведение через несколько мясорубок. Произведения получаются чистые и мясные. Но химический их состав изменяется под механическим давлением, теряя организмы силу ткани.

Литература как продукт интимный читается в процессе создания одному, другому, подтверждается при чтении в кругу доверительных людей и утверждается не кем иным, как читателем. Так было до сих пор.

Грамотность в нашей стране необыкновенно выросла. Изучение даже серьезнейших партийно-исторических документов вышло из ведения обязательных «проработок» на кружках. Изучать для советской интеллигенции—значит просто читать. Однако писателям часто приходится слушать.

Слушать неупомянутое произведение, конечно, нужно уже хотя бы для того, чтобы возникло желание их прочесть. Но в порядке ведения собрания, и совершенно дискуссионно, хочется предложить: слушать в меру. Выступать короче. Выносить на обсуждение стоящие предметы. Говорить также и о напечатанных уже и прочитанных вещах. Может быть хотя бы разрозненных на машине.

Некоторые Ильф и Петров выдвинули знаменитое «писатель должен писать». Это «дозвунт» и сейчас еще не потерял своего значения, он намекает на довольно существенную задачу писателя. Но можно добавить еще, как дополнительный к первому, дозвунт: «писатель должен читать».

Вернее их можно соединить вместе: «писатель должен читать и писать». И читать не только вслух, но и про себя. И не только свои собственные произведения, но и вещи других авторов. Эту, не очень новую, мысль можно высказать хотя бы в порядке новогоднего, может быть, пошуточного пожелания.

Станиславский и Маяковский

Когда Станиславский учил искусству, то обращался он только к работникам театра: режиссерам, актерам. Но в его лице появились учителя и люди всех других областей искусства: он показывал самые глубокие вещи творчества.

В искусстве давно шел спор между «внутрянками» и «внешняками». Одни утверждали, будто Мочалов заменял водкой работу над ролью. Другие—будто Каратыгин обходился без вдохновения, одной техникой и умением. Пыльные нутрянки понастоящему, до синяков на горле, душили бедных своих партнеров в последнем акте («Гелло»; температура! душа! Сухие педантизм сантиметром размерами жесты, внутренняя актерство, что внутреннее движение инашние,—было бы правильным переименование рук, ног и лицевых мускулов. Но я в других областях искусства антиподом ставляла «вдохновение» Микель Анджело («анализ» Леонардо да Винчи. Мощные ноты стиха «разрушило плечо» удержал, будто Некрасов и Тютчев никогда не работали над стихом. В пишу их эстетизм требовали безстрастия по Теофилю Готье в Оскару Уайльду.

Всегда находились мудрецы, примирявшие крайности: без вдохновения не сыграешь, но необходима и труд. Без труда ничего не добьешься, но и вдохновение есть обязательный признак подлинного таланта. И так далее — целыми странами. Это и есть то, что в философии называется эклектизмом: понемножку и отсюда и отсюда, ни один вопрос не решается, все острые углы срезаются, и выходит в результате «справедливая» пошлость. Непонятно остается «только одно»: что же, все-таки, главное? Труд или вдохновение? И с чего начинать?

Станиславский дал твердый ответ на этот вопрос.

Он ответил: главное—это вдохновение. Но начинать надо с труда. Для того чтобы вдохновение появилось, необходимо огромный и сознательный труд всей жизни. Вдохновение надо трудом уберечь от убывающих его ошибок, от суетности, от штампа, от ложной завышенности, от напирания. Вдохновение надо уметь вызвать, что бы оно подняло тебя до размеров твоего подлинного (т. е. твоего предельного) роста. Для вдохновения надо подготовить почву, и оно придет и само поведет тебя дальше. Но это ты подготавлишь почву, ты вызываешь, ты убогаешь: не творчество является над человеком, но человек над своим творчеством. Станиславский учит нас, как через сознательный труд и волю стать хозяином своего вдохновения и как—когда оно появляется — не путать его с побочными явлениями, но опинать от них и, чистому, отдаваться полному.

Творческое разрешение противоречия между трудом и ванием в искусстве.

Разве это разрешение, данное притом не в общей форме, но разработанное во всех подробностях («Работа актера над собой») и, сверх того, показанное на всей биографии актера и режиссера Станиславского («Моя жизнь в искусстве»), разве это разрешение нужно кому-нибудь, кроме актера? Разве мало писателей, скульпторов, музыкантов томится в «поисках» вдохновения (иногда они называются поисками темы), когда вдохновение можно найти или создать, если «только» правильно работать и жить.

Но замечательно, что этому же — только с совсем другой терминологией — посвящена удивительная статья Владимира Маяковского «Как делать стихи». Там тоже речь идет все время не о технике стиха, как понимают ее формалисты, а о технике творчества. Как относиться к своей работе, как понимать ее место в жизни общества и своей собственной, как не отрываться от нее ни на день. Как зарпнее подготавливать стихи, которые найдут свой стержень, быть может, лишь через несколько лет, — чтобы тогда не остаться беспомощным перед поставленной жизнью темой. Как находить эту тему в потребностях родины, в потребностях соци-

ализма, чтобы стихи были нужны людям, (именно это имеет в виду Маяковский, когда пользуется модным тогда среди его друзей термином «социальный заказ»). Как, найдя эту тему, организовать свое отношение к ней («искусственное время»), чтобы не затеряться в мелочах, а взять самую суть, но я не оторваться от сегодняшней земли. Как работать над стихами, учитывая все—от возможности «сдвинуть» («стихов звукоопытных лем») — подучать эрде («клам») и вылить до того, чтобы не сказать нецелого слова о женщинах, которых любил Евгений: ведь они живы, эти женщины, им тяжело будет. И чтобы непременно обидеть, важным словом обидеть, ударить, разоблачить тех, на кого погост действительно нападает в жизни и искусстве.

Как подчинить искусство всю свою жизнь: организовать свое время, организовать свой письменный стол, комнату, одежду, бытовые отношения и разговоры — ни о чем не забывать, во всем быть поэтом, и поэтому том самого поэта, за который дерешься в искусстве. И человеком того лагеря, за который дерешься не только в искусстве.

Указания Маяковского попросту генерализируются. Во многом и прежде всего — в вопросах общественных они идут гораздо глубже Станиславского. Пусть они отрывочны: — Маяковский ухватил самую суть. Да и те ведь они отрывочны. Творческая истома стихотворения «Сергею Есенину» навсегда останется классическим примером строгого, восторженного, глубокого анализа работы поэта. Нет того работника искусства, который не должен учиться здесь, как подходить к ответственной теме, чтобы не скатиться ни в безразличное эстетство, ни в бездельственную культуру на «зоблобленную тематику».

Как упорно надо готовиться к творческому состоянию и как сразу хвататься за него, когда оно наконец вызвано тобой.

Маяковский больше любил делать искусство, чем писать о нем. Он свел свой огромный опыт в короткую статью, и, кончив ее, вернулся к стихам. Но его отрывистые, перегруженные смыслом строки не менее драгоценны для каждого художника, чем подробные, может быть слишком обстоятельные страницы Станиславского. Не только обилие выводов, но и множество частных указаний Маяковского (и Станиславского, конечно) обязательны для работников всех искусств.

И не только всех искусств, но и всех стилией. Учение Станиславского тесно связано с его творческой манерой в искусстве. То же самое и у Маяковского. Поэтому они и разное советуют, и по-разному советуют. Но суть учения в обоих одна. Она изложена выше. Ведь вдохновение нужно во всяком творчестве.

Звезды

С высоких гор и вижу в час ночной — Блещут звезды в небе надо мной, По Млечному пути, как караван, Они гонят над травмами полями И подплывают, кажется, в упор К светлым и тихим подлестничным гор.

Они роняют арке лучи И превращают в платину ручьи, Трава полян под огненной звездой Становится как будто золотой, В сверкающих звезд гранитная гора Блещит вдали, как слиток серебра.

Я вижу их сегодня над собой, Как век назад их видел прадед мой, И, может быть, они дали ему Словоз тучи свет следил тогда во тьму И, восходя в горах над головой, Вели его в дороге кочевой.

Как много звезд! И каждая во жле Несет свое блистающее... Но если б кто-нибудь соединил В одну звезду блистающие всех светил, Весь свет их, все лучи, то и тогда Затмила б их одна моя звезда.

Ее лучи летят из края в край Через Арал, за Исык-Куль, в Алай, Ее лучи восходят до небес, Перелетают гордый Эверест, Она прохлудит реку и моря — Звезда счастливая, звезда моя.

Она вошла, и взошла ее лучей Как меч, разит убиц и палачей, Она вошла и золотом лучей Всех вшиях превращает в богачей, Она вошла и солнца горячий Согрела мир теплом своих лучей.

Она горит, как солнце в кыпшаках, Она блещет в корчах на пытках, Она — на мачтах дальних кораблей, Она под небом родины моей — Над полуском сверкает на крыле И светит в окна Сталина в Кремле.

Как преддворье когда-то в луть вели Мерканы дальних спутников земли, — Так будет привнуток моих всегда Во все века вести одна звезда — Звезда Кремля, чей путеводный свет Народом дан на много тысяч лет.

Перевел с киргизского В. ВИННИКОВ

Рисунок А. Радакова.



ПЕРИОДИЧЕСКИЕ НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ ЧИТАТЕЛЮ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НАУКА НА ПОДЪЕМЕ

Почему научная разработка проблем художественной формы имеет первостепенное значение? Да прежде всего потому, что без анализа художественной формы исследование творчества того или иного писателя превращается в исследование его политический взглядов, в исследование изображения в литературном произведении действительности, но только не самого творчества. Вспоминается письмо, присланное в Пушкинское комитету Академии наук одним рабочим-пушкинистом. «Укажите мне, — писал он, — научный труд из которого бы я понял, почему творения Пушкина, даже изображающие прошлое, так действуют сейчас, возбуждают и возбуждаются во всех полициях, и рабочих, и колхозников?» Рекомендовать такой труд, оказывается, довольно затруднительно, ибо поэзия Пушкина изучалась в отрыве формы от содержания. А теперь от читателя общими фразами о «мастерстве» уже не отделаешься. Читатель не тот пошел.

Отстающая литературная теория в области разработки проблем художественной формы имеет свою историю. Ведь это раловская критика на все ланы твердила, что для литературного произведения главное — содержание и что форма — это лишь вопрос «достаточной» или «недостаточной» отделки. В основе такой «теории» лежат грубейшее извращение марксистско-

ленинковой постановки вопроса о форме. «Словом всегда найдется, если владеешь идеей» — говорил Флобер. Но ведь и форма не есть что-то внешнее по отношению к содержанию и не налагается на него сверху! Как будто содержание может существовать вне формы! Именно в форме, в ее различных элементах и проявляется содержание. «Нет бесформенного содержания», так же как нет бесформенного вещества» — писал Гегель. А Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, заметил: «Форма существенна» (Ленинский сб. IX, стр. 117). Нельзя забывать того, что всякая форма содержательна и является в какой-то мере характеристикой содержания. Если содержание определяет форму, то форма может переходить в содержание.

Непонимание диалектики формы и содержания, их взаимопределяющейся связи привело, в частности, к тому, что в нашей истории литературы и в критике надлю полное уращение поэзии и прозы. Конечно, поэзия, так же как и проза, является одним из способов познания, художественного освоения мира». Олимпиада и социальная функция прозы и поэзии. Но при всем этом в поэзии форма образной конкретизации идей существенно отлична от прозы. Для достижения максимальной выразительности, при ограниченном словесном материале (пятида в несколько строк), в поэзии участвует целый комплекс ритмически композиционных, интонационных, лексических и звуковых особенностей. Ритм, форма, мелодия обуславливают своеобразие структуры образов в поэзии.

Уже из этого примера вытекает, что правдивость не может быть сведена в художественном произведении к верности отдельных частей или нескольких элементов образа. Правдивость содержания может выступать в противоречии с образной формой, и благодаря этому содержание искажается. Вспомним поэтов времен военного коммунизма, воплощавших революционные мотивы в ритмах балладоноподобного «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым». Безразботное отношение к форме отрицательно сказалось на развитии некоторых совет-

ских поэтов, которые, как писал Горький, «слабо вооружены технически, мало учатся» («О билбютеке поэта»). Рост советской поэзии несомненно был бы более успешным, если бы учитывались мудрые слова Горького о том, что «в работе со словом и над словом участвует способность изобретать...» Новаторство содержания является необходимой предпосылкой новаторства формы. Однако новая форма, соответствующая новому содержанию, сама, без усиленной серьезной работы над ее созданием, не придет.

Ага! На страницах «Литгазеты» пропагандируется формализм! — вероятно воскликнет критик-пессимист, опешающий по литературной профилитике.

— Вот и о форме заговорили, — возликуют, быть может, некоторые формалисты. Успокойтесь, товарищи! Марксистское понимание формы бесконечно шире полятия приемов, к изучению которых сводилась деятельность формалистов, занимавшихся подсчетом ударений в стихах и чертвящих на основании этих бухгалтерских подсчетов диаграммы о развитии русской поэзии.

Интерес к вопросам формы в последнее время все более пробуждается. Несомненно, тонкое понимание художественной формы свойственно старым А. Гурвичу и другим. Однако благодаря тому, что теоретически эта проблема не разрабатывается, мы во многих случаях можем заблудиться в критических статьях то эклектизм, то самую откровенную реставрацию формализма. Например П. Слетов в «Веседе с начинающими писателями» так начинает свое осмысление процесса работы писателя над композицией произведения: «С чего начать? Какой абзац поставить раньше, какой после? В какой последовательности расположить предложения в абзаце? Как расставить слова в предложении? Можно сказать, что вопросы композиции проливаются на каждую строку литературно-художественного произведения». Не говоря уж о том, что подобные размышления скорей всего характеризуют творческий процесс волюнтариста, чем писателя («как расставить слова»...).

здесь нашел место как раз тот отрыв форм от содержания, который превращает цветущее дерево искусства в сухой телеграфный столб. Напечатано это в «Литературной убоге» (№ 11), все продолжилось ухудшение которой уже переросло в общественное бедствие.

Вопросы формы имеют важнейшее значение не только для нас, литераторов, для развития советской науки, но и для читателей, т. е. для народа, культурный кругозор которого растет с каждым днем. В нашем распоряжении — интереснейшее письмо читателей в редакцию «Библиотеки поэта». Из этих писем мы узнаем, что «Библиотека поэта», в начале рассчитанная на поэтов, научается самими широчайшими массами. Без отом пишут бойцы с Дальнего Востока, рабочие, студенты. Учитель биологии с ардушней, достойной специалистом, отмечает, что в малой серии «Библиотеки поэта» пропущены такие имена, как декабрист Раевский, как Слепушкин, Курочкин, Минаев. Студент Сельско-хозяйственного техникума восхищается художественной формой стихов Дельвига, в которой видит влияние народной поэзии. Инженер Мосерево требует издать библиотеку мировой поэзии — Байрона, Шелли, Гюго, Гейне и др. Молодой слесарь сообщает, что вступительная статья к стихотворению Фета ничего не дает, ибо не показывает влияния Фета на развитие русской поэзии и его значение для современности. Этот же читатель пишет: «Дайте больше тиража, чтобы книги эти попадали не только на полки поэтов, но доходили до нас, рабочих». Вот какая замечательная у нас, советских ученых, аудитория, вот для кого пишется вступительные статьи и издаются такие, казалось бы, специальные по своим задачам издания, как «Библиотека поэта». А мы, вместо того, чтобы сплоченно, дружно работать, коллективно поднимая литературную науку на новую ступень, часто занимаемся перечислениями взятых бед и бид или полемикой по принципу «сам с'еш». Совершенно недопустимо, что мы оставляем без широкого обсуждения работы, порорящие литературную науку своим схематизмом и убожеством, ограничи-

ваясь лишь обличениями их в частных разговорах.

Последнее время все чаще встречаются возражения против вступительных статей и комментариев вообще. Такое огульное отрицание необходимости материалов, помогающих читателю понять произведение, является совершенно неправильным. Вспомним, что на необходимость вступительных статей и комментариев указывал Горький, руководивший «Библиотекой поэта». Бела заключается в том, что наши издатели не типизируют издания классиков. Одно дело излагать академические издания, там вполне уместны и обширные комментарии, т. е. своего рода исследование о творчестве, истории произведения, его литературной судьбе и т. д. Другое дело — массовые издания, где должны даваться лишь самые необходимые справки. Благодаря тому, что издания не были типизированы, нередко редактор, наряду с специальным изысканием, давал и такие справки: «Шекспир — великий английский писатель», «Лета — река завбания» и т. д.

Но особого изучения и критики заслуживают комментарии в сборниках материалов о жизни и творчестве классиков. Многие из этих комментариев свидетельствуют о полном непонимании авторами художественного творчества. Встречаются такие комментарии, которые способны ввести читателя лишь в заблуждение в исследуемому материалу. Таковым «трудом» является, например, опубликованное одним пушкинистом записанное речью Пушкина рецензия, к которому комментатор приложил подробный отзыв врача, констатирующего, что рецитет этот в наше время применения иметь не может. Не менее характерны и выпущенные Государственным Литературным музеем «Летопись», посвященные Пушкину и являющиеся в значительной своей части типичным образцом неумелого и поверхностного совершенно неумелых в десятилетиях творчестве «Материалов» (например, различный счет о ужасно «учеными» комментариями) впадетано в неважно вышедшем пушкинском томе «Литературного архива».

На всего этого следует, что, борясь за рост советской науки, за ее теоретическую вооруженность и партийность, нельзя забывать и о необходимости борьбы с попытками реставрации псевдоакадемической науки со всеми ее особенностями — внешней аподитичностью, эмпиризмом, уклоном в изучение мелочных фактов. В борьбе за партийность в литературной науке, в разоблачении враждебных теорий исключительную роль должна сыграть критика историко-литературных работ. К сожалению, эта критика не стоит на должном уровне. Сама собой разумеется, что, подтверждая разбор научные исследования, критик сам должен стоять на уровне данного исследования. У нас же вместо того, чтобы указать источники новых соображений, критик просто группирует по своему привидимому в критическую книгу факты. Возможность ответить на критику предоставляется журналами редко, и этим свертываются научные дискуссии.

Все эти вопросы, которые мы ставим, нуждаются в широком обсуждении. Большую роль в развитии литературной науки должен сыграть журнал, посвященный теории и истории литературы. Необходимость такого журнала, выходящего из Ленинградского отделения союза писателей, совершенно очевидна.

Постановление ЦК ВКП(б) о постановке пропаганды является мощным стимулом развития теоретической мысли во всех областях науки. Несомненно, что начавшийся погем литературной науки будет закреплен и ознаменован полным успехом. Залог этого — в стремлении большинства ученых к овладению теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в союзе старых и молодых ученых, в горячем желании советских ученых добиться прорыва к «той науке, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки...» (Сталин);

Прекрасное пленет навсегда. К нему не отсылаешь. Никогда не впасть ему в ничтожество. Все шло...

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

В свой час своя поэзия в природе: Когда в зените лень и жар томит...

О НОВЕЛЛИСТАХ

27 декабря в Клубе писателей новеллисты обсуждали два рассказа московского поэта — Эфендия Каппера...

Те же лирические мотивы звучат и в рассказе «Межделье», прочитанном на декадаке...

По насколько удачен в замысле и деталях первый рассказ, настолько неудачен задуманный и ложно романтизированный второй...

Ив. Меньшиков, С. Гехт, А. Тарасов говорили о лирическом тоне повествования, о поэтической целесообразности деталей...

Шлава Сослана, выразивший свое восхищение рассказом «Племя Дико», оказался одиноким в этой оценке...

В. Г. На поэтическом декаднике

На очередном поэтическом декаднике читал Борис Пастернак. Кроме отрывков из нового романа Пастернак прочел недавно законченный им перевод поэмы Т. Г. Шевченко «Мария».

Это — произведение огромного художественной силы, волнующего лиризма. Пастернак говорил на вечер, что он работал над переводом «Марши», потрясенный подлинником.

Большое творческое волнение поэта, любовь к подлиннику, стремление передать читателю всю красоту шевченковской поэмы позволили Пастернаку создать перевод, за который ему будет благодарен всякий человек, любящий поэзию.

Литературные мечтания

Константин Федин

И в 1939 году, как всегда, я хоту прочитать новые произведения писателей, умеющих не только смотреть, но и видеть...

С. Маршак

Я хотел бы, чтобы наши литераторы научились мечтать так, как в старину умели мечтать безыменные авторы народных сказок...

М. Громов

Герой Советского Союза

Если писатели выступают сегодня на страницах «Литературной газеты» в качестве читателей, рассказывая, какие книги они хотели бы прочесть в этом году...

Н. Хмелев

Народный артист СССР

Художник не может творить свои произведения, не зная, не любя современную литературу. Наш век дает очень много для творчества...

Б. А. Пивенштейн

Капитан-орденоносец

Я — летчик. Все мое время отдано занятиям в академии, полетам, изучению литературы об авиации.

Юрий Крымов

Я хочу, чтобы в 1939 году вышла хорошая антифашистская книга. Фашизм показан в наших художественных произведениях прамодельно и убого.

И. Бабель

Хочу, чтобы в 1939 году в наших книжных магазинах можно было купить в дешевой и полном издании художественные произведения Льва Толстого.

Виктор Гусев

Сейчас я читаю книгу И. Палангиса «Жизнь на льдине». Скоро прочту, и мне становится обидно, что оканчивается чтение прекрасных, правдивых страниц этой книги.

А. Макаренко

Я люблю больше психологические романы. Чувства, страсти людей меня всегда очень интересуют и в жизни и в литературе.

Г. Байдуков

В прошлом 1938 году мне пришлось прочитать не мало книг, которые мне следовало бы знать лет 15—20 назад.

В. Каверин

От всей души желаю нашей литературе, чтобы в новом году появилась книга, которую бы прочли все — от мала до велика.

Константин Паустовский

Это было давно, много лет назад, в приморском городе на юге. В декабре началась зима, — не наша, а южная зима...

А. Раскин

Каждую книгу хотели бы мы прочитать в будущем году? Вопрос необычайно трудный. Дело в том, что все зависит от автора.

М. Слободской

Если Шолохова — связную, Если Соболева — целую, Если Лаврентова — другую, Если Паустовского — толстую.

И. Бабель

Хочу, чтобы в 1939 году в наших книжных магазинах можно было купить в дешевой и полном издании художественные произведения Льва Толстого.

Виктор Гусев

Сейчас я читаю книгу И. Палангиса «Жизнь на льдине». Скоро прочту, и мне становится обидно, что оканчивается чтение прекрасных, правдивых страниц этой книги.

А. Макаренко

Я люблю больше психологические романы. Чувства, страсти людей меня всегда очень интересуют и в жизни и в литературе.



Рисунок А. Радакова. ДЕТИЗДАТ



ЗАСЕДАНИЕ ШЕВЧЕНКОВСКОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КИБЕВ. (От наш. корр.). На-днях под председательством П. И. Панча состоялось очередное заседание Шевченковского комитета союза писателей Украины. Комитет заслушал информацию Леонида Первомайского о работе московских авторов, принимающих участие в создании шевченковского альманаха.

К 125-летию со дня рождения Шевченко будет издан литературный альманах, — заявил тов. Первомайский, — посвященный поэту. В альманахе примут участие выдающиеся писатели Советского Союза: А. Толстой, Вс. Иванов, И. Бабель, В. Вишневский, К. Паустовский, В. Катаев, А. Караваев, А. Сурков, М. Голдэнный. Получено извещение от Ленинградского союза писателей, что писатели Ленинграда в скором времени пришлют свои произведения для альманаха. Альманах будет сдан в печать 15 января.

Комитет заслушал также информацию т. Малышко об организации шевченковских вечеров в Киеве и на периферии.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР К 1000-ЛЕТИЮ «САСУНИ ДАВИД»

(От нашего корреспондента)

Президиум Академии наук СССР под председательством президента Академии наук В. Л. Комарова заслушал доклад проф. О. Медикяна (армянский филиал Академии наук) о мероприятиях по празднованию тысячелетнего юбилея великого армянского народного эпоса «Сасуни Давид».

Президиум предложено армянскому филиалу Академии наук организовать в городе Врбране выставку, посвященную эпосу возникновения эпоса с охватом VIII—XI веков.

Издательству Академии наук предложено выпустить к юбилею на русском языке научное издание полного текста эпоса. Издание выйдет под редакцией и с предисловием академика П. А. Орбели.

Армянскому филиалу Академии наук и Институту истории поручено совместно с Государственным Эрмитажем подготовить к печати и выпустить на армянском и русском языках сборник исследовательских трудов.

Кроме того армянскому филиалу Академии наук предложено в мае 1939 г. организовать научную сессию, посвященную эпосу «Сасуни Давид», а отделению общественных наук академии — в том же месяце организовать торжественное заседание, посвященное 1000-летию великого армянского народного эпоса.

ДЖАНАН.

Литературная газета

Пробило двенадцать. Выпились ленты серпантина, вылетели пробки в потолок, со звоном столкнулись бокалы. С одного из председательских мест поднялся улыбающийся мужчина и заговорил:

Итак, наш новогодний вечер открыт! Прежде чем непосредственно приступить к веселью, я хотел бы кратко остановиться на основных моментах, которые произошли в нашей общей работе за истекший год. Главным достижением является то, что по линии руководства мы значительно выросли, товарищи! Во-первых, так сказать, на семидесяти процентов! Но это еще не предел. В будущем году мы обязуемся довести рост руководства до... Заключительные слова оратора тонут в приветственных кликах и звоне фанфар. Начинается веселье. Мелькают быстрые костюмы гостей, звучит разноголосная тосота.

Вот встал в полный рост плотный мужчина в старинных латах, и сочный баритон его покрыл все голоса. Это Илья Сельвинский.

СЕЛЬВИНСКИЙ. История меня укрепила. Пошто — не ведаю. Но ежели сказать По совести, не только я один В подобную историю попался. Кто главный тут? Вали трубить

соброр, Пуншай со мною в речи новогодней Поклеится допрез других Павленко, Что Александра Певского писал. Пуншай колена сложит Виктор Шкловский

За Раина и Минина с Пожарским, Пусть отрок Симонов, от коего Сурков Впервые вопиал и страх и робость, Ухлебнет из нашей чаши покаяний. Слыжайте всех, кто новый год

встречает В шапшадроме и боле раннем веке... А я, жвадая пушкинского слога, Оборочусь ко Хлебникову слогу, Шлем замену баручьему малахам И «Челюскинину» допишу!..

Замриает в величавой позе. Вокруг него за столом небольшое волнение. Слышны голоса: «Где же они? Пусть скажут! Павленко пред!»

ПАВЛЕНКО. Хорошо. Я скажу. Поднимаю на должную высоту эту чару зеленавина, я бою вам челом, товарищи, и возглашаю тост за самостоятельность в работе!

ГОЛОСА. Правильно! ПАВЛЕНКО. ...Когда в Новгороде на Потылихе мы с Эйзенштейном писали... ГОЛОСА. Про себя скажи! ПАВЛЕНКО. Я и говорю. Нелавно мы с Радзинским сдали в Детский театр историческую...

ГОЛОСА. О себе говори! ПАВЛЕНКО. Мы с Борисом Левяным пишем... ГОЛОСА. О себе давай! ПАВЛЕНКО. Сейчас мы с Эйзенштейном Синяером...

Поднимается шум. Тоста уже не слышно. На стул взбирается Виктор Шкловский. Боярская шуба распахнута.

ШКЛОВСКИЙ. Тште смерды! (От неожиданности все стихают). Так в начале семнадцатого века сказал один смоленский боярин. Двести лет спустя через Смоленск Наполеон шел на Москву. В Москве сто двадцать шесть лет спустя мы встречаем новый год. Же-Дмитрий встречал новый 1605 год на реке Севе. Об этом событии голландец Исаак Масса ничего не пишет. Англичанин Флетчер...

1-й ГОЛОС (упорно). О себе говори! 2-й ГОЛОС (восхищено). Ишь ты, и говорит, как пишет! ШКЛОВСКИЙ (улыбаясь). ...Флетчер считал, что в конце шестнадцатого века в Москве было много медных пушек. Я с

ним согласен. Я не согласен с Сельвинским. Исторические темы не исчерпаны. Ключевский говорит, что на юго-западе были яркие ленты. Надо сделать яркую ленту о князье Таракавовиче. Роль князьки может сыграть Черкасов...

Пока улыбающийся Шкловский, развивая свой тост, цитирует баланс Генуэзского банка святого Георгия за 1571 год, внимание гостей отвлекает решительный мужчина в странном костюме из патефонных пластинок. Когда он поднимает маску, поэты в страхе разбегаются. Это Сурков.

СУРКОВ (нараспев). То не тучи, не барашки-облака Но-над каждой по-над строчкой залетчи, Ульбонус я губушкой-губой, Призакрою-пожамую ово-глаза.

Я доволен-преддоволен сам собой, Под седлом каурый в яблоках Пегас. Я люблю кавалерийского коня, Может мигом до вершины довести, Хороши и для него и для меня Циркулярные дороженьки-пути.

Ну, а ежели настает новый год, — Есть запови-перевеки про запас. Всех друзей я притворю попереки, Остальных мы не допустим на Парнас.

Мы проверим, пропесочим, протерем, выясним, взглянем внутрь... Мы их... Сурков настолько увлекся, что потерял стихотворный размер. Впрочем, теперь стихи ему уже и не нужны. Он борется. Несколько человек подхватывают тост и активно стараются создать оживление. Однако безуспешно. Гости безмолвствуют. Вдруг высказывает Исаак.

ИСАХА. Товарищи! в связи с этим я хочу вспомнить, как в девятнадцатом году... ГОЛОСА. Знаем, читали! Исаак отходит. Тогда встает со своего места Лозовский и поднимает руку.

ЛОЗОВСКИЙ. Я не оратор, товарищи, но в древности говорили: «Nascitur poetae, fuit orator», то-есть поэтом надо родиться, оратором можно сделаться. Старый год истек — «finis coronat opus».

ГОЛОС. Переведите, а то я неуч! ЛОЗОВСКИЙ (вздвигивая). Кто сказал «Неуч»? ГОЛОС. Я. ЛОЗОВСКИЙ (сгорбно). Что касается этой книги, то «Егате humanum est», то-есть человеку свойственно ошибаться. А я человек — homo.

ГОЛОС. Скажите про... ЛОЗОВСКИЙ (перебивая). Я кончил, товарищи — «Dixi et animam salvavi» — то-есть — сказал и душу облегчил, как говорили в древности... Лозовский поспешно занимает свое место. В наступившей тишине снова раздаются знакомый голос.

ИСАХА. Товарищи, я должен вспомнить, как... ГОЛОСА. Садитесь, знаем... ИСАХА. ...Как в девятнадцатом году... ГОЛОСА. Читали уже! Много раз! Распорядитель вечера с трудом водворяет порядок. В этот момент с новыми трехактными копылками в руках появляется мальчик Сержа Михайлович. Агния Барго смотрит на него с нежной материнской улыбкой и ласково говорит: «Пше! Сейчас отличник Сержа расскажет нам о своих отлетах за год».

Озорник Сержа начинает неожиданно: МИХАЙЛОВ. Я встречаю новый год, Мне награды и почет, Потому что я отличник. А они — наоборот... (указывает на остальных детских писателей.) Я себе сказал: «Пиши Все, что нужно для души». У меня отмени за год

Даже очень хороши: Драмагургия — отлично, Поведение — прилично, Песни — тоже на большой, А стихи — само-собой. Я писал в четыре смены, Проработал Марка Твена Так, что свой оригинал Он теперь бы не узнал. Не хочу себе хвалить, Что тут долго говорить, — Даже Соболев со мною Рафму может сочинить...

Уходит Ленинградская делегация. — Сейчас от имени Ленинградских писателей, — говорит распорядитель, — выступит... — Знаем! — Тихонов!.. — перебивают его.

— Нет. — Тогда Лаврентев? — Нет. — Ну, значит Слономский? — Да нет же. Выступит Александр Прокофьев.

ПРОКОФЬЕВ: Ежели послушать беспристрастно, Что у нас гурторит-говорит, — Безусловно, самый распространенный Знаменитый город Ленинград. Нам от Миссисипи толку мало, Амазонка — тоже ерунда! Супротив Обводного канала Волна не годится никак! Наменя возблажученным одеки, Наши реки лучше всех морей!..

А еще имеются поэты Питерских немилыхмих кровей, Чтобы руководствовать толково, Мы не подкачали — будь здоров! Замелили собственных фартовых, Семерых проселенных братьев! Ой дид-ладо — Ладога! Кружится голова!

Каверин, Герман, Федоров — Крошечная братва, Оять — на ять с присьпую Смеречота мя!

Интеллигентный Зошенко, Отчаянный я! Бузотер и песельник Задристой тазой, Истопный!..

Дойдя до своей характеристики, Прокофьев уже не может остановиться. Ленинградцы отталкивают в сторону расхлябанного товарища и с трудом утаскивают его. Но вот и они присоединились к веселой толпе гостей. Пир в разгаре. Вдруг раздается испуганный голос: — Осторожнее! Березовский опять что-то записывает...

Распорядитель пробует усовестить Березовского. — Вы уж воздержитесь, хоть в этот торжественный день. — Не могу, у меня про него материал есть. И вообще вы не кричите, а то у меня и про вас кое-что записано. У меня про всех есть!

РАСПОРЯДИТЕЛЬ. Успокойтесь, успокойтесь... Товарищи, сейчас представители национальных республик выступят и приветствиями.

Громкие аплодисменты встречают ашуга. АШУГ (двадцать минут читает стихи на родном языке). Поднимается некто в сером. Это переводчик.

ПЕРЕВОДЧИК. Разрешите, я переведу эти стихи. ГОЛОСА. Просим, просим! ПЕРЕВОДЧИК. Живите много-много лет.

Салям. Мой новогодний вам привет! Салям. АШУГ (спрашивает на своем языке). Неужели это все? У меня же... ПЕРЕВОДЧИК. Все. Не волнуйтесь. Что у вас — меня не интересует, важно — что у меня...

Теперь выхлест актис. Он поет большую приветственную песню. ПЕРЕВОДЧИК. Перевожу... Вы много-много лет живите.

Джаксы. Мой, в новый год, привет примите. Джаксы. Актис слушает более чем краткий перевод с горестным недоумением. Поэт-украинец хочет говорить, но переводчик не позволяет ему и рта раскрыть.

ПЕРЕВОДЧИК. Не надо! Зачем время тратить. Я перевожу и так. (Читает): Живите много-много лет. Нехай. Нехай.

Все веселее гремит музыка. Кто-то пустился в пляс. Сергей Васильев ходит на руках, играет на гитаре и художественно свистит. Ему пробуют предоставить слово, но он испуганно отмахивается: «Не надо, — кричит он, — я истеричный! И вообще я эстрадник!»

Начинаются танцы. Между столиками пропыхивает пара за парой — Чувковский с Маршаном, Тренев с Погоничем, Трегуб с Жаровым. Вот Герасимова прыгнула к Успенвичу, которая почему-то ведет ее зигзагами. Вишневский в яростной джиге увлекает за собой Гурвича. Нежно обняв Лужковского, танцует Катаев.

По не все тосты и приветствия исперпаны. Пришла очередь драматургов. Первым говорит Васек.

ВАСЕК. Товарищи, от имени драматургов... ГОЛОС. А вы разве драматург? ВАСЕК. Вопрос считаю неактуальным.

БЛЮМ (решительно). От имени драматсекции выражаю протест! Мы не позволим зажимать рот нашим товарищам. ГОЛОС (настойчиво). А вы драматург? БЛЮМ. Попрошу без хулиганских реплик. Вот товарищ Чинеров может подтвердить...

ЧИНЕРОВ. Могут. Драматсекция считает... ГОЛОС (упорно). А вы драматург? ЧИНЕРОВ. Это вас не касается. Выходит шесть драматургов в одинаково серых домино. Они говорят хором: ХОР ДРАМАТУРГОВ. Мы все и каждый из нас написали к сегодняшнему дню песни, транжачущие вопросы нового года в свете последних сообщений.

Они порываются хором же прочесть свои одинаковые песни, но их никто не слушает. Общее внимание привлечено веселой игрой Борис Левин, Федор Левин, Лев Левин и Кирилл Левин, вызвавших за руки, идут навстречу шеренге, состоящей из Василия Гроссмана, Бориса Гроссмана и Леонида Гроссмана. Это вариант известной игры «А мы просо селяти, селяти...»

— А мы Левини, Левини, — напевает одна шеренга. — А мы Гроссманы, Гроссманы, — подхватывает другая.

Среди танцующих мелькает какая-то фигура из «Литертичка». Она то-и-дело подползает к кому-нибудь из танцующих и алочесно пощечет: — Маска, маска, я сорву с тебя все и всеческие маски!..

Теперь танцуют уже все. Один Фадеев, что-то обдумывая, стоит в стороне. Вдруг его осеняет: ФАДЕЕВ. Товарищи, поскольку прозани сейчас все в сборе, а на выборы бюро секции никто не явился, предлагаю провести выборы сейчас. Займите ваши места. Постойте! Куда же вы?.. Заприте там двери!

Но все уже снова надели маски и карнавальные костюмы. Поди угадай теперь, где прозанили! Снова гремит музыка, звучат тосты. Новогодний вечер продолжается. ОЛИВЕР СВИСТ.

А. Е. КОРНЕЙЧУК ВЫДВИНУТ КАНДИДАТОМ В АКАДЕМИЮ НАУК УССР

КИБЕВ. (От наш. корр.). Научные сотрудники филологического факультета и ученый совет Киевского государственного университета выдвинули в числе кандидатов в действительные члены Академии наук УССР депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР драматурга А. Е. Корнейчука.

«БУДНИ» П. ГОЛИКОВА В ТЕАТРЕ ИМ. ЕРМОЛОВОЙ

Театр имени Ермоловой приступил к постановке первой пьесы летчика П. Голикова «Будни». Работу над этой пьесой из жизни летчиков театр начал консультацией с крупнейшими специалистами авиации, пилотами В. Ф. Комаровым, В. А. Матвеевым, А. И. Грацианским, Б. Н. Кудринным, А. С. Демченко, Н. П. Шебановым. Они пришли в театр послушать пьесу и высказать свое мнение о ней. Мнение их оказалось единодушным.

— Прекрасное знание материала помогло т. Голикову правильно показать среду и нравы летчиков, избежать экзотики и фальши, которыми страдают некоторые наши фильмы и пьесы о летчиках, — говорили в своих выступлениях тт. Кудрин, Шебанов, Матвеев и Грацианский.

Выступавшие высказали ряд критических замечаний о пьесе. В ней много диалогов, особенно в двух первых актах. Тов. Каменский находит также, что любовная интрига в пьесе разрешается автором недостаточно убедительно, а положительный герой, летчик Славян, менее яркое и интересное, чем отрицательный тип летчика — пилот Зубов и в особенности летчик Васильев, лучше других удавшийся автору.

О художественных достоинствах пьесы говорили на совещании Н. Ш. Хмельев, М. О. Клебанов и режиссер спектакля Платонов. Они считают, что пьеса написана талантливо, полна внутреннего обаяния, ее герои — живые люди, которых артистам интересно будет воплотить в сценические образы, а зрителям — увидеть в спектакле.

ЯНВАРСКИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ТЕАТР»

В конце января выйдет из печати № 1 журнала «Театр» за 1939 год. Основной материал журнала посвящен теме «Ленин в искусстве».

Журнал также печатает неопубликованные материалы «Из дневника А. Н. Островского» (сображения и выволы по поводу мейнингенской труппы в связи с гастролями Мейнингенского театра в Москве в 1885 году).

ИЗВЕЩЕНИЕ

Открылся Библиографический кабинет союза советских писателей. Кабинет обслуживает писателей библиографическими справками, составляет библиографические справки по темам, над которыми работают писатели, дает сведения по вопросам литературы, критики и литературоведения. Кабинет открыт от 1 ч. до 9 ч. вечера. Адрес кабинета: ул. Воровского, 62, комн. 9, тел. Д2-14-41.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНИН, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, С. ВОЙТНОВАЯ.